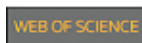

Дворниченко А. Ю. «Литва» и «России» в отражении travelогов : от Карпини до Герберштейна / А. Ю. Дворниченко // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 380—396. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-380-396.

Dvornichenko, A. Yu. (2021). “Lithuania” and “Russia” in the Reflection of Travelogues: from Karpini to Herberstein. *Nauchnyi dialog*, 3: 380-396. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-380-396. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-380-396

«Литва» и «России» в отражении travelогов: от Карпини до Герберштейна

Дворниченко Андрей Юрьевич
orcid.org/0000-0003-4813-7340
доктор исторических наук, профессор
a.dvornichenko@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный
университет

(Санкт-Петербург, Россия)

Исследование выполнено в рамках
гранта Российского научного фонда,
проект № 19-18-00073 «Национальная
идентичность в имперской политике
памяти: история Великого княжества
Литовского и Польско-Литовского
государства в историографии и
общественной мысли XIX—XX вв.».

“Lithuania” and “Russia” in the Reflection of Travelogues: from Karpini to Herberstein

Andrey Yu. Dvornichenko
orcid.org/0000-0003-4813-7340
Doctor of History, Professor
a.dvornichenko@spbu.ru

St. Petersburg State University

(St. Petersburg, Russia)

This research was supported by
the grant № 19-18-00073 “National
Identity in the Imperial Politics
of Memory: History of The Grand Duchy
of Lithuania and the Polish-Lithuanian
State in Historiography and Social
Thought of the 19th — 20th Centuries”
of the Russian Science Foundation.

© Дворниченко А. Ю., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются так называемые травелоги, то есть «записки» («сказания») иностранцев о Русском государстве. Основное внимание уделяется репрезентации в этих литературных произведениях пространственных представлений их авторов в связи с историей Великого княжества Литовского (Литовско-Русского государства). Актуальность исследования обусловлена недостаточной востребованностью травелогов в качестве исторических источников, несмотря на то, что они оказывались в поле зрения крупных, порой знаменитых историков. Отмечается, что ещё один аспект актуальности — злободневность изучения истории Великого княжества Литовского и содержания травелогов. Представлены результаты сопоставительного анализа системы пространственного восприятия Великого княжества Литовского авторами травелогов вплоть до знаменитых «Записок» Сигизмунда Герберштейна. Анализируется, прежде всего, представление о соотношении «Литвы», «Руссий» и «Москови» в географическом пространстве Восточной Европы. Делается вывод, что пространственные представления тех, кто путешествовал по этим территориям или писал на основе доступной информации, изменялись во времени, отражая при этом, пусть и в искаженном виде, сложные процессы социально-политического и этнического развития, происходившие в Восточной Европе, где на смену так называемой Киевской Руси шли новые, молодые государства: Великое княжество Литовское и Россия, выраставшие фактически на одной этнической почве.

Ключевые слова:

Великое княжество Литовское; Литовско-Русское государство; записки иностранцев; травелоги; пространственная память.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The so-called travelogues, that is, “notes” (“legends”) of foreigners about the Russian state, are considered. The main attention is paid to the representation in these literary works of the spatial representations of their authors in connection with the history of the Grand Duchy of Lithuania (the Lithuanian-Russian state). The relevance of the study is due to the lack of demand for travelogues, despite the fact that they found themselves in the field of vision of large, sometimes famous historians. Another aspect of relevance is shown — the topicality of the study of the Grand Duchy of Lithuania itself and the travelogues, as such. The results of a comparative analysis of the spatial perception system of the Grand Duchy of Lithuania by the authors of travelogues up to the famous “Notes” by Sigismund Herberstein are presented. In this regard, first of all, the idea of the relationship between “Lithuania”, “Russia” and “Muscovy” in the geographical space of Eastern Europe is analyzed. It is concluded that the spatial representations of those who traveled through these territories or wrote on the basis of available information changed over time, reflecting, albeit in a distorted form, the complex processes of socio-political and ethnic development that took place in Eastern Europe, where the so-called Kievan Rus’, there were new, young states: the Grand Duchy of Lithuania and Russia, which actually grew up on the same ethnic basis.

Key words:

Grand Duchy of Lithuania; travelogues; spatial memory.

«Литва» и «России» в отражении травелогов: от Карпини до Герберштейна

© Дворниченко А. Ю., 2021

1. «Иностранные травелоги» и их возможности в познании российской истории

«Записки иностранцев», то есть письменные свидетельства лиц, путешествовавших по необозримым пространствам Евразии, в русской традиции известны больше под странно сейчас звучащим названием *сказания иностранцев*. В современной исторической литературе их именуют уже на западный манер *травелогами*, подразумевая под этим «нарратив, составленный от первого лица и фиксирующий передвижение героя в пространстве» [Шпак, 2020, с. 244]. Важно при этом отметить, что данные источники давно находятся в поле зрения историков. Первопроходцем здесь был немец К. Мейнерс. Среди прочих вопросов он рассматривал и сведения о соседях России в XVI—XVII веках [Meiners, 1798]. Ещё одним исследователем этого интересного и богатого на всякого рода сведения источника был «русский немец», родом из Пруссии, но всю жизнь трудившийся в России, — Ф. П. Аделунг. Его сочинение было написано на немецком языке [Adelung, 1846], потом переведено на русский (перевод А. Клеванова печатался в «Чтениях ОИДР» на протяжении нескольких лет с перерывами — с 1848 по 1864 годы).

Были интересные работы, посвящённые отдельным путешественникам. Профессор Петербургского университета, занимавшийся в основном исторической географией, не только опубликовал источники — те самые «сказания», — но и написал книгу об одном из самых известных «сказителей» — английском посланнике Джильсе Флетчере [Середонин, 1891]. Другой представитель петербургской исторической школы плодотворно занимался изучением творчества С. Герберштейна [Замысловский, 1884]. Но всё-таки венцом деятельности в области изучения данной темы стала работа профессора Московского университета — знаменитого В. О. Ключевского. Между прочим, это его первая книга, по сути дела, студенческая выпускная работа, но, как теперь принято говорить, проект весьма амбициозный: историк постарался на основе «Сказаний» восстановить основные грани жизни Московского государства. При этом он отдавал себе отчёт, сколь специфичен и своеобразен этот источник. Однако, оспаривая пессимизм петербургского мэтра С. Ф. Платонова, отстаивал возможность использования историком

фактического материала, почерпнутого у авторов такого рода сочинений. Именно по этому поводу сказал он свои знаменитые слова: «Исторические факты — не одни происшествия; идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени — те же факты и очень важные, точно также требующие критического изучения» [Ключевский, 1959]. Первая книга Ключевского была издана в 1866 году. Он долго не соглашался её переиздать, поэтому новые издания (1916, 1918) вышли уже после его смерти. В годы советской власти книга была библиографической редкостью, не вошла ни в одно собрание сочинений. За последние десятилетия положение исправлено: вышло два издания [Ключевский, 1991; Ключевский, 2019].

После Ключевского эту вершину столь удачно не покорил уже никто. Объективности ради, надо отметить, что за годы советской власти на высоком научном и издательском уровне не раз изучались многие записки иностранцев. Вспомним ставшее уже классическим произведение М. А. Алпатова [Алпатов, 1973, с. 212—314] или книгу Ю. А. Лимонова [Лимонов, 1978]. Но сейчас таких работ нет. Причиной является, видимо, то, что не рассматривают эти работы отдельно и внимательно, а вставляют в контекст «европеизации» России. Сама по себе такая тема вполне допустима и даже, наверное, полезна для изучения нашей истории, но беда в том, что «европеизация» некоторыми исследователями понимается весьма своеобразно, часто предпринимаются попытки привлечь и обозреть разнородные материалы, в обилии которых записки иностранцев просто теряются. В пример приведем двухтомное сочинение Т. В. Черниковой, где, кстати, весьма хаотично изложена и современная историография вопроса [Черникова, 2019, тт. 1—2]. В первом томе этого солидного по размерам сочинения автор на ста сорока страницах старается осветить ряд вопросов истории средневековой Руси: феномен Киевской Руси, вопрос о феодализме в России, возникновение и упадок Великого княжества Литовского, особенности социального строя Московской Руси и т. д. При этом о травелогах упоминается лишь вскользь.

Очевидно, что «травелоги» многое могут нам сказать и в области познания истории Великого княжества Литовского, Жомойтского и Русского (далее — ВКЛ). Отметим, что историки давно интересуются этой темой, но изучают лишь отдельные сочинения. Эти источники содержат интересные сведения о ВКЛ и народах, её населяющих. Они особенно интересны для понимания формирования представлений о национальной и государственной идентичности, причём в контексте сравнения этносов и стран, находящихся в дальнем и ближнем удалении друг от друга в границах одного общего Европейского Дома. Особый колорит этим свидетельствам придаёт то, что их авторы (если не считать самих литвинов и поляков) — это обитатели Западной Европы и их восприятие «восточных земель» основано

на европейском культурном багаже (хотя уровень культуры их самих был разным).

Что касается репрезентации пространства, его конструирования, восприятия, то травелоги — памятник уникальный. Изучение их может пролить свет на вопрос, который является в данной статье главным: о пространстве этнически сложного государства — ВКЛ, о его месте в Восточной Европе. Особенно интересны взгляды авторов травелогов на соотношение «Литвы», «Руссий» и «Московии». В современной исторической литературе на основе польско-литовского историописания выявляется четкое противопоставление «Руси Нового времени» региону под названием «Москва» [Дернович, 2018, с. 87]. Подобную же «четкость» пространственного восприятия видят и в травелогах [Мартынюк, 2014, с. 134]. Не анализируя в данном случае историописание, попробуем верифицировать данный вывод на основе травелогов.

2. Пространство Литовско-Русского государства в ранних травелогах

Первое упоминание о Литве находим в книге Джованни дель Плано Карпини. Продвижение его посольства к Киеву было сопряжено со смертельной опасностью «из-за литовцев». Карпини писал: они «часто и тайно, насколько могли, делали набеги на землю России, и особенно в тех местах, через которые мы должны были проезжать; и так как большая часть людей России была перебита татарами или отведена в плен, то они поэтому отнюдь не могли оказать им сильное сопротивление ...» [Карпини, 1997, с. 69]. Эти сведения ввёл в широкий обиход уже Н. М. Карамзин, который внёс немалый вклад в литуанистику [Дворниченко и др., 2020, с. 930—943].

Однако литуанисты почему-то нечасто вспоминают об этом сообщении, Впрочем, и многие русисты забывают. Между тем это сообщение посвоему интересно. С одной стороны, у нас не так много сведений о ранних походах литовцев. С другой стороны, зная в основных звеньях маршрут посольства, мы можем представить себе главный вектор направления походов литовцев. Эту информацию можно использовать при написании общего труда о генезисе Литовско-Русского государства. И в этом самом раннем (имея в виду посткиевскую эпоху) травелоге уже присутствует репрезентация того самого пространства — необозримой территории «Руссии».

Пространство это продолжает поражать воображение путешественников и в дальнейшем. Жильбер де Ланнуа ехал два дня по большому, безлюдному лесу, не встречая никакого жилья [Черкасов, 2015, с. 220]. «С какого бы пункта, в котором Северо-Восточная Европа соприкасалась с Западной, ни двинулся бы путешественник», он встречал пустынные пространства [Ключевский, 2019, с. 27]. Об этом же писал и С. М. Соловьев [Соловьев,

1998, с. 432]. С лесов и болот начинает и Эней Сильвий Пикколомини — выдающийся итальянский гуманист и по совместительству Папа Римский Пий II [Enea Silvio Piccolomini, 2005, S. 167—172]. Он, конечно, не совсем путешественник — в эти места он не заезжал, но у него были хорошие информаторы, в частности Иероним из Праги, которого не следует путать с Иеронимом Пражским [Мартынюк, 2019, с. 483]. Вообще, как убедительно писал О. Ф. Кудрявцев, в те времена господствовал принцип «лучше должен знать те или иные страны мира не тот, кто их посещал, но, как считалось, тот, кто больше ими интересовался», и, таким образом, чтобы выступить первооткрывателем земель, не обязательно было их лицезреть [Кудрявцев, 1997, с. 15]. И всё же путешественники были. Глухим лесом пробирался позже и С. Герберштейн мимо озёр, болот и рек, которым и туземцы не знали названий [Ключевский, 2019, с. 37]. Интересно, что двигавшийся с противоположной стороны — от Москвы — Барбаро лицезрел то же самое: леса и холмы, почти пустынную местность [Барбаро ..., 1971, с. 159].

Всё это пространство не могло сохранять полную амбивалентность — оно должно было члениться на какие-то регионы, земли, территории и т. д. Войдя в эту *terra incognita*, путешественник сталкивался с таким понятием, как «Руссия». Один из ранних путешественников — Иоанн де Галонифонтибус — в своей «Книге познания мира», видимо, в этих «Руссиях» запутался: «Далее на север лежит Руссия или Рутения, большая страна. А именно их две: великая и малая ... Существует также Руссия внутренняя и внешняя» [Kern, 1938, S. 104—105]. Как подметил А. В. Мартынюк, в XIV—XV веках в источниках появляются многочисленные Руссии (Великая, Малая, Белая, Черная, Червонная и т. д.). Они «отражают процесс постепенной дезинтеграции единого культурно-исторического пространства Древней Руси и формирования в Восточной Европе новых политических и этногеографических реалий» [Мартынюк, 2019, с. 421]. Пожалуй, только не стоит преувеличивать единство «Древней Руси».

В своё время С. М. Соловьев очень увлёкся этими Руссиями. Когда, предваряя работу своего выдающегося ученика В. О. Ключевского, учёный анализирует географические известия иностранцев о России, он в отношении XV века о Литве и не сообщает. Путешественники этого времени знали Малую Россию (мы только что говорили о том, что знали и другие). О том, что это ВКЛ, можно понять только из слов, что страна эта «от польских границ до Луцка покрыта была почти беспрерывным лесом», да ещё упоминаются города: Киев, Житомир, Белгород, Черкассы [Соловьев, 1998, с. 407]. Литва «в обширном смысле», которая «простирается от города Черкасс на Днепре до границ ливонских», появляется только тогда, когда Соловьев анализирует знаменитые записки Герберштейна, — это уже XVI век [Там же, с. 433].

Великий историк тут не совсем прав, поскольку уже тот же Галони-фонтибус пишет о «малой стране» Литве (*Lituania retro ipsos ad occidentem, parva patria*) [Kern, 1938, S. 105]. Значит, он, как, впрочем, и де Ланнуа, различал, если следовать терминологии старой русской историографии, «Литву в тесном смысле этого слова» и «земли-аннексы». Но сама эта ситуация говорит о том, что иностранцы ощущали: государство ещё очень далеко отстоит от более или менее прочного объединения различных территорий. Характерно в этом плане как раз восприятие ситуации де Ланнуа. «Витольт» для него могущественный князь, который завоевал двенадцать или тринадцать королевств или земель. Но есть королевство Литвы с его главным городом Вильно, который, кстати говоря, не очень впечатлил путешественника, есть замки разного качества, по которым проехал путешественник, а есть Русь (нижняя и просто). Витовт — король Литвы, Самогитии и Руси [Черкасов, 2015, с. 220—222].

Впрочем, у некоторых это пространство было до крайности неопределённым. Отличился тут Иосафат Барбаро, который и вовсе на пути из Москвы в Польшу не обнаружил никакой «Руссии», да, видимо, и с Литвой запутался. Первое место, про которое он узнает — это Троки, за ним через девять дней пути открывается Слоним. Вот тут-то и вступают в «Литву», но что же это за Литва, если главный город здесь — Варсовия, в которой не без основания видят Варшаву [Барбаро, 1971, с. 159—160, 185].

Амброджо Контарини тоже готов запутать читателя. Он в 1474 году выехал из Польши и оказался в подчиненной польскому королю «Нижней России». Тут, вроде, понятно, поскольку по пути ему попали знаменитые города Луцк и Житомир — явно это юго-западные земли ВКЛ, о котором, кстати, путешественник не говорит ничего. Но вот он добрался до Киева, который оказывается уже «вне Нижней России», стоит на границе с Татарией. Сюда должен был прибыть посол из «Литвы», к которому можно было бы присоединиться для продвижения в Каффу. Но к какой же «России» принадлежит Киев? Может, «Верхней», под которой принято подразумевать Московию? Из текста неясно, но когда Контарини, миновав «деревню Черкасы», приблизился непосредственно к пограничной реке, то оказывается, что это граница между «Россией» и Татарией. Значит, к России относится и Киев, и Черкасы, да, судя по всему, и вся «Нижняя Россия» [Там же, с. 210—212].

3. Травелогги конца XV — начала XVI веков о пространстве ВКЛ

По мысли С. А. Аннинского, «из всех иностранцев конца XV — начала XVI в., писавших о России» М. Меховский «с наибольшей определенностью и последовательностью отличает Россию от Московии. У него Рус-

сия — это только юго-западная Русь (отнюдь не подчиненная Московии и не входящая в ее состав) и даже не столько западная (Литва), сколько южная» [Меховский, 1936, с. 242]. Что касается «Московии», то это так и есть, но вот как Меховский описывает границы «Руссии»: «Ограничена Руссия — с юга Сарматскими горами и рекой Тирасом, которую жители называют Днестром; с востока — Танаисом и Меотидами с Таврическим островом; с севера — Литвой, с запада — Польшей» [Там же, с. 95, 173]. Значит, на юге — Карпаты и Днестр, на востоке фигурируют Дон и побережья южных морей, а на севере и западе — Литва (в узком смысле этого слова) и Польша. Это, собственно, и есть русские земли Великого княжества Литовского. Очень важно при этом, что Меховский имеет уже чёткое представление о Великом княжестве Литовском: «Великое княжество Литовское — весьма обширная область. В ней много князей литовских и русских, но один глава и монарх»; он дает четкое определение границ Самагиттии (Жемайтии) [Там же, с. 98, 176]. Наше наблюдение о составе русских земель подтверждается и последующим текстом: река Днепр берёт начало из Московии, «проходит через Литву и Руссию под Смоленск и Киев»; список епархий включает в себя и пинскую, и полоцкую, и смоленскую. Добавим сюда ещё и описание «протяженности» ВКЛ, которая также имеет в виду и Киев, и Полоцк, и Смоленск [Там же, с. 95, 97, 105—106].

Впрочем, авторитет и Меховского, и его издателя советских времён С. А. Аннинского — прекрасного знатока латиноязычных памятников, погибшего в блокаду Ленинграда, — сделали своё дело, и вот уже комментатор к трактату Альберта Кампензе пишет о том, что Альберт якобы следовал М. Меховскому и имел в виду прежде всего юго-западную Русь [Россия в первой половине XVI в. ..., 1997, с. 120]. Думается, что эта натяжка обусловлена не очень корректным переводом: действительно, некоторые безапелляционные утверждения недавних переводчиков о столице руссов «Киеве», о «Киеве» на реке Борисфен и т. д. вызывают вопросы [Там же, с. 79—80]. Похоже, что Кампензе просто заблудился между трёх сосен: в качестве столицы Руси он называет и “Rioua” (Киев?!) и “Leopolina” (Львов?). Уместно тут вспомнить впечатление блестящего представителя петербургской исторической школы Е. Ф. Шмурло, который о сочинении Кампензе писал, что оно «вобрало в себя все легкомысленные и невежественные представления», «основанные на слухах один другого невероятнее» [Шмурло, 1937, с. 120]. Придерживаясь пессимистических выводов Шмурло, можно сказать, что из произведения ясно только следующее: “Russi” населяют русские земли ВКЛ, соседствуя с литовцами и самогитами (жемайтами), а все вместе они отличаются от “populi Moscouitico”, которые являются «титულიной нацией» в соседней Московии.

Автор другого трактата — Иоганн Фабри — также по русским землям не путешествовал, довольствуясь беседами с послами Василия III, которые возвращались из Испании от императора Карла V. Его представления не менее туманны: он пишет о «рутенах», которые те же самые роксоланы Плиния или росоланы Птолемея. И вот эти-то рутены из-за того, что град их царский назван Москвой, приняли имя “московитов”. «Итак, рутены или московиты расположены более к востоку, весьма близко от Борисфена, граничат с одной стороны с литовцами и далее с поляками, а с другой — с татарами», — рассуждал Фабри [Россия в первой половине XVI в. ..., 1997, с. 175]¹. Значит, он не различал население русских земель ВКЛ и русское население Московского государства. Мы могли бы приветствовать такие его правильные, по сути, утверждения, но беда в том, что проистекали они из недостатка знаний об этом регионе Восточной Европы. Вполне возможно, что здесь для него источником были вовсе не беседы российских послов, а писания тосканского гуманиста Рафаэля Маффеи (Волатерана), который также выводил рутенов из роксолан [Там же, с. 208—209]. Эти рутены делились на две части: *белые*, которые жили ближе к Литве, и те, которые назывались по имени реки Москвы. Такой перевод нам представляется предпочтительнее, чем тот, что приводится в собрании текстов предшественников Герберштейна. И тогда это одно из ранних (и немногих ещё) этнонимических определений, которое получит распространение позже.

Павел Иовий сам в Московии тоже не был, информацию получал, вроде бы, из того же источника (во всяком случае подобного), что и Фабри, но к выводам пришёл другим и гораздо более туманным. Он склонен отделять московитов от Руси, связывая их с мосхами, хотя само имя московитов стало известно недавно [Там же, с. 234, 264]. Страна их весьма обширна: простирается от истоков Дона до Полуночного океана. Вскоре оказываясь, что название «*Руси*» (непонятно, правда, что это такое) происходит от тех же роксоланов, а часть Литвы именуется *Нижней Русью*, в то время как сама Московия уже оказывается *Белой Русью*. (В связи с именованием Московского государства *Белой Русью* существует уже значительная историографическая традиция, которая находится вне целей и задач данной статьи.) Однако следующая ремарка снова сбивает читателя с толку. Ока-

1 Согласие комментаторов с ремаркой о «недавнем происхождении имени московитов» [Россия в первой половине XVI в. ..., с. 207] выглядит курьёзно, ведь в качестве индикатора бытования названия «роксоланы» в травелогах указаны Плиний и Птолемей. Даже при всём богатстве и полисемантизме русского языка «недавнее» здесь требует пояснения. Собственно, о недавнем происхождении имени московитов пишет не Фабри, а Иовий [Там же, с. 234, 264], пытаясь их как-то связать с мосхами Лукана и Плиния. О «недавнем происхождении» названий Московия и москвитяне пишет и венецианский посол в 1557 году Марко Фоскарино. См.: [Иностранцы о древней Москве, 1991, с. 50—51].

зывается, «Литва» принимает обращенным к Московии лицом дуновения её ветра [Там же, с. 267] (Перевод: «Литва, таким образом, обращена к Московии со стороны дуновения северо-западного ветра ...» [Там же] представляется некорректным.) Здесь возникает вопрос, какая «Литва» имеется в виду, включает ли это понятие в себя русские земли ВКЛ или нет?

О смутных представлениях в голове Иовия свидетельствует и следующая его ремарка: «Московиты, подобно славянам, далматам, богемцам, полякам и литовцам, употребляют иллирийский язык и иллирийские письма» [Там же, с. 249, 282]. К сожалению, компилятивные гипотезы Иовия были поддержаны его последними по времени комментаторами [Там же, с. 303]. Возникает вполне естественный вопрос: если «иллирийский язык и иллирийские письма» соотносить с кириллицей, то при чём здесь поляки? Ведь их на кириллицу мечтала перевести лишь российская власть на протяжении своего властвования в Польше, да и то ей это так и не удалось. Поэтому утверждение о том, что здесь под литовцами подразумевается «русское население ВКЛ», представляется сомнительным.

Один из элементов пространственной памяти иностранных свидетелей имеет трагикомическую окраску, свидетельствуя о том, сколь шаткой была грань между реальностью и фантазией, особенно когда в дело вступал такой яркий враг историка, как патриотизм. М. Меховский пишет о том, что Витовт — «человек энергичный и смелый в бою» — подчинил и присоединил к Литве «княжество Псков, называемое Плесковией, а затем княжество Новгородское, называемое Нугардией» [Меховский, 1936, с. 103, 181]. О Новгороде, как о владении ВКЛ, завоеванном Витовтом, он пишет и в другом месте [Там же, с. 106, 183]. Сведения о том, что Псков и Новгород были под властью великих князей литовских, находим и у Альберта Кампензе: «отдал» он в руки литовцев и Можайскую землю [Россия в первой половине XVI в. ..., 1997, с. 101—102]. О принадлежности Новгорода и Пскова писал М. Литвин [Литвин, 1994, с. 78—79]. Можно было бы говорить о заимствовании этих сведений из предшествующего письменного источника. Но парадокс в том, что Длугош, у которого, действительно, заимствованы сведения, о завоевании не сообщает, а лишь о победе и получении контрибуции. (Это подметил уже С. А. Аннинский [Меховский, 1936, с. 246. Сн. 164; 250. Сн. 174]). Значит, можно говорить или об особом архетипе сознания, или в крайнем случае об излишнем доверии к oral history того времени. Герберштейн вносит здесь, как и во многое, серьёзную поправку. Он сообщает о том, что до того, как на Новгород «напал» московский князь Иоанн Васильевич, московиты похвалялись, будто имеют там своих наместников, а литовцы утверждали, что новгородцы — их данники [Герберштейн, 1988, с. 148]. (Лучшее на настоящий день издание — двух-

томник 2008 года, но поскольку в научном отношении в его основе лежит издание 1988 года, считаем возможным пользоваться этим изданием.).

4. Пространственные представления Сигизмунда Герберштейна

Заканчивалась «эпоха до Герберштейна». Пространственная же память самого мэтра дипломатии также не столь проста для восприятия. Современный исследователь замечает, что, «говоря о “Литве”, Герберштейн всегда четко отличает “собственно литовскую область” от восточнославянских земель и даёт, таким образом, адекватное представление о мультиэтничном и поликонфессиональном характере Великого княжества Литовского» [Мартынюк, 2015, с. 134]. Полагаем, что понятийный аппарат дипломата-путешественника ещё не был столь устоявшимся, что, впрочем, вполне соответствовало степени устойчивости и самому характеру устройства ВКЛ. Герберштейну было известно название «Великое княжество Литовское» (или просто Литовское княжество) [Герберштейн, 1988, с. 225], но его вполне заменяло понятие «Литва»: «Ближе всего к Московии Литва. Я имею в виду здесь не одну (собственно литовскую) область, но и прилегающие к ней страны, которые разумеются под общим именем Литвы» [Там же, с. 185]. Ремарка красноречива, во всяком случае, понятие «страна» в этом контексте говорит о многом. Эта «Литва» может охватывать всю территорию государства (именно в качестве хоронима употребляет неоднократно это слово автор более позднего сочинения — Поссевино [Поссевино, 1983, С. 37, 67, 69, 73]), но может означать и ту самую «собственно литовскую область» [Герберштейн, 1988, с. 67, 77, 136, 145, 167, 215, 265] («литовцы» — жители всего государства [Там же, с. 113, 126, 178, 210, 212, 227]).

В связи с этим особое значение приобретает понимание того, что имел в виду Герберштейн под «Руссией». Уже первые исследователи творчества знаменитого каринтийца К. Мейнерс и Е. Е. Замысловский отмечали, что тот придавал слову «Россия» двойное значение: называл так «страну, населенную народами, употребляющими язык славянский, и в состав её включал, кроме Московии, и Литву, и Польшу», а в узком смысле «называл Руссией только одну Московию» [Meiners, 1798, с. 47; Замысловский, 1884, с. 127]. Авторы содержательного комментария к «Запискам», на наш взгляд, сужают представления посла о «Руссии». Они считают, что Герберштейн употреблял термин *Руссия* в двух смыслах — как название восточнославянской территории в пределах Древнерусского государства и как название Русского государства конца XV — начала XVI веков. Для обозначения последнего он вводит и термин *Московия*, который был известен в ВКЛ, Короне Польской и при папском дворе [Герберштейн, 1988, с. 284].

При этом в комментарии на основании такого предположения Герберштейну ещё и приписывается некая «прорусская» позиция. В другом месте говорится, что Герберштейн имеет в виду территорию Древнерусского государства [Там же, с. 288]. Однако такие выводы неуместны. Посол неплохо относился к русским, но никакой «прорусской» позиции у него не было, и уж точно он не думал о некоем никогда не существовавшем «Древнерусском государстве» (Такое государство — это порождение советской историографии, «дореволюционные» исследователи вполне без него обходились, см. [Дворниченко, 2017].) Необходимо обратить внимание на самое начало книги: «Краткое описание России и Московии, которая ныне состоит её столицею», — а главное, на то различие в переводах, которое отражено в тексте: «Московия — главное государство в России» [Герберштейн, 1988, с. 53]. Похоже, Герберштейн представлял себе некий обширный массив русских земель, который делился соответствующим образом между государствами того времени. Собственно, посол говорит об этом и более подробно. Он рисует широкую панораму расселения Russi (по латыни Rhuteni) [Там же, с. 57—59].

По сути дела, это и есть Россия, которая занимает огромное пространство: граница идёт по Карпатам и до Понта Эвксинского, где предел распространению кладут турки. Оттуда поднимаешься вверх по Днепру, а потом по Дону (посол здесь несколько путался в географии, но смысл понятен), через Оку и Волгу к побережью Северного моря, а оттуда вдоль Финляндии через Ливонию, Жемайтию, Мазовию и Польшу снова к Карпатам. Внутри этого круга только две нерусские области: Литва и Жмудь. Вот каков русский мир по Герберштейну. Никакого отношения к некоему «Древнерусскому государству» он не имеет. Не так важно даже происхождение названия этой «Руссии», хотя он приводит целый ряд версий генезиса данного этнонима. Главное, что народ этот, говорящий на славянском языке, исповедующий веру Христову по греческому обряду заселил всю эту громадную территорию. Владеют Руссией ныне три государя: большая часть принадлежит князю московскому, вторым является князь литовский, третьим — король польский, сейчас владеющий как Польшей, так и Литвой [Там же, с. 59]. Отметим, что территории правления у некоторых авторов путались. Так, у Михалона Литвина находим о Киевщине: «Она была владением князей Руси и Московии; в ней они также приняли христианство» [Литвин, 1994, с. 102].

Итак, вот что такое «Руссия» для Герберштейна. Вразрез с концепцией современных адептов раннего появления украинцев и белорусов, русский мир в его время был един, несмотря даже на появление разных «владельцев». Герберштейн впервые столь детально очертил контуры, причём именно по языковому признаку, не только славянского мира [Мыльни-

ков, 2000, с. 102], но и мира русского. Его лингвистические наблюдения были крайне важны, так как ряд информаторов (как мы видели на примере Иовия) заставляли литовцев изначально говорить на славянском языке. Кстати, в этом контексте становится более понятным постоянное, как мы видели, утверждение иностранных свидетелей о позднем появлении наименования *москвиты*.

5. Заключение

В современной литуанистике травелоги не пользуются должным вниманием со стороны исследователей [Дворниченко и др., 2019, с. 935—955]. Между тем это пусть и своеобразный, но очень интересный и важный источник по истории ВКЛ, да и Восточной Европы в целом. Анализ географических представлений авторов данных сочинений выявляет сложный характер их пространственного мышления. Здесь аутентичное видение географического и геополитического пространства сочетается с фантазиями и странной, на первый взгляд, амбивалентностью в восприятии территории. Амбивалентность, на наш взгляд, проистекает не из особенностей архаического ещё сознания, а из самой шаткости политико-географической ситуации. Соотношение таких акторов истории Восточной Европы, как «Литва», «Руссии» и «Московия» (во всяком случае, в географическом плане), было далеко не таким определенным, как это видится многим современным интерпретаторам источников «раннего Нового времени».

Источники

1. *Барбаро* и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / вступительная статья, под. текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. — Ленинград : Наука, 1971. — 275 с.
2. *Герберштейн* С. Записки о Московии / С. Герберштейн. — Москва : Издательство МГУ, 1988. — 430 с.
3. *Иностранцы* о древней Москве (Москва XV—XVII веков). — Москва : Столица, 1991. — 432 с. — ISBN 5-7055-1141-8.
4. *Карпини* Д. П. История монгалов. 3-е издание / Д. П. Карпини ; вступительная статья, комментарий М. Б. Горнунга. — Москва : Мысль, 1997. — 461 с. — ISBN 5-244-00851-X.
5. *Литвин* М. О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин. — Москва : Издательство МГУ, 1994. — 151 с. — ISBN 5-211-02610-1.
6. *Меховский* М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский / введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1936. — 288 с.
7. *Поссевино* А. Исторические сочинения о России XVI в. «Московия», «Ливония» и др. / А. Поссевино. — Москва : Издательство МГУ, 1983. — 272 с.
8. *Россия* в первой половине XVI в. : взгляд из Европы / составитель, автор ввдных статей, примечаний, указателей О. Ф. Кудрявцев. — Москва : Русский мир, 1997. — 408 с.

9. *Enea Silvio Piccolomini*. Europa / Enea Silvio Piccolomini. — Heidelberg ; Ubstadt-Weiher ; Basel : Verlag regionalrultur, 2005. — 432 s.

10. *Kern A.* Der “Libellus de notitia orbis” Iohannes’ III (de Galonifontibus?) O. P. Erzbischof von Sulthanyeh / A. Kern // Archivum Fratrum Praedicatorum. — 1938. — Vol. VIII. — S. 82—123.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. / М. А. Алпатов. — Москва : Наука, 1973. — Т. I. — 480 с.

2. *Дворниченко А. Ю.* Первые российские литуанисты : случай Н. М. Карамзина / А. Ю. Дворниченко, Р.-Е. А. Кудрявцева // *Bylye Gody*. — 2020. — Vol. 57, Is. 3. — С. 930—943. — DOI: 10.13187/bg.2020.3.930.

3. *Дворниченко А. Ю.* Феномен Великого княжества Литовского в научном дискурсе рубежа тысячелетий / А. Ю. Дворниченко, Р.-Е. А. Кудрявцева // *Bylye Gody*. — 2019. — Vol. 53. — Is. 3. — С. 935—955. — DOI: 10.13187/bg.2019.3.935.

4. *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства / А. Ю. Дворниченко. — Санкт-Петербург : Евразия ; Москва : ИД Клио, 2017. — 559 с. — ISBN 978-5-91852-095-6.

5. *Дернович О. И.* «Конструируя “другую Русь” : образы «Руси» в историописании Великого княжества Литовского XVI—XVII вв. / О. И. Дернович // Россия и Беларусь : история и культура в прошлом и настоящем : материалы международной научной конференции «Россиеведение и белоруссоведение в XXI в. : традиционные и новые тенденции в научных исследованиях» (Смоленск, 11—12 октября 2018 г.). — Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2018. — Выпуск 4. — С. 74—90.

6. *Замысловский Е. Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России / Е. Е. Замысловский. — Санкт-Петербург : Типография братьев Пантелеевых, 1884. — 563 с.

7. *Ключевский В. О.* Сочинения / В. О. Ключевский. — Москва : Соцэкгиз, 1959. — Т. VII. — Исследования, рецензии, речи. — 486 с.

8. *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве / В. О. Ключевский. — Москва : Прометей, 1991. — 334 с.

9. *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве ; Быт русского народа / В. О. Ключевский. — Москва : Русская панорама, 2019. — 304 с. — ISBN: 978-5-93165-443-0.

10. *Кудрявцев О. Ф.* Жизнь за царя : русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. / О. Ф. Кудрявцев // Россия в первой половине XVI в. : взгляд из Европы / составитель, автор вводных статей, примечаний, указателей О. Ф. Кудрявцев. — Москва : Русский мир, 1997. — С. 6—34. — ISBN 5-85810-030-9.

11. *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. / Ю. А. Лимонов. — Ленинград : Наука, 1978. — 271 с.

12. *Мартынюк А. В.* Сигизмунд Герберштейн : белорусский итинерарий / А. В. Мартынюк // Исторические и психолого-педагогические науки : сборник научных статей. — Минск : Республиканский институт высшей школы, 2015. — Выпуск 15, ч. 1. — С. 132—139.

13. *Мартынюк А. В.* До Герберштейна : Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII — начало XVI века) / А. В. Мартынюк. — Москва : Квадрига, 2019. — 576 с. — ISBN 978-5-91791-323-0.

14. Мильников А. С. Картина славянского мира : взгляд из Восточной Европы : Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века / А. С. Мильников. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2000. — 320 с.
15. Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник / С. М. Середонин. — Санкт-Петербург : Типография Скороходова, 1891. — 399 с.
16. Соловьев С. М. Географические известия о Древней России / С. М. Соловьев // Сочинения в 18 кн. — Москва : Мысль, 1998. — Кн. XXI. Дополнительная. Работы разных лет. — С. 402—473.
17. Черкасов Д. Н. Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades» / Д. Н. Черкасов // *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. — 2015. — № 8. — С. 195—241.
18. Черникова Т. В. Россия и Европа. Начало диалога / Т. В. Черникова. — Москва : Академический проект; издательство «Культура», 2019. — 438 с. — ISBN: 978-5-902767-93-0.
19. Черникова Т. В. Россия и Европа. «Век новшеств» / Т. В. Черникова. — Москва : Академический проект; издательство «Культура», 2019. — 665 с. — ISBN: 978-5-902767-94-7.
20. Шмурло Е. Ф. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом. 1462—1528 / Е. Ф. Шмурло // Записки Русского исторического общества в Праге. — Прага Чешская ; Нарва, 1937. — Выпуск 3. — С. 91—136.
21. Шпак Г. В. Записки английских путешественников о России XVI—XVII века в контексте британской травелографии / Г. В. Шпак // Диалог со временем. — 2020. — Выпуск 70. — С. 235—250.
22. Adelung F. Kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind / F. Adelung. — Saint Petersburg, Leipzig, 1846. — Bd. I—II.
23. Meiners C. Vergleichung des ältern und neuen Russlandes, in Rücksicht auf die natürlichen Beschaffenheiten der Einwohner ihrer Cultur, Sitten ; Lebensart und Gebräuche so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber / C. Meiners. — Leipzig : Fleischer, 1798. — Bd. I—II.

MATERIAL RESOURCES

- Barbaro and Contarini on Russia. To the History of Italian-Russian relations in the XV century.* (1971). Leningrad: Nauka. 275 p. (In Russ.).
- Foreigners about ancient Moscow (Moscow of the XV—XVII centuries).* (1991). Moscow: Stolitsa. 432 p. ISBN 5-7055-1141-8. (In Russ.).
- Gerberstein, S. (1988). *Notes on Muscovy*. Moscow: MSU Publishing House. 430 p. (In Russ.).
- Karpini, D. P. (1997). *History of the Mongols*. Moscow: Mysl. 461 p. ISBN 5-244-00851-X. (In Russ.).
- Kern, A. (1938). Der “Libellus de notitia orbis” Iohannes’ III (de Galonifontibus?) O. P. Erzbischof von Sulthanyeh. *Archivum Fratrum Praedicatorum, VIII*: 82—123. (In Germ.).
- Litvin, M. (1994). *On the customs of the Tatars, Lithuanians and Muscovites*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 151 p. ISBN 5-211-02610-1. (In Russ.).
- Mekhovsky, M. (1936). *A treatise on two Sarmatians. Introduction, translation and comments of S. A. Anninsky*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 288 p. (In Russ.).

- Piccolomini, Enea Silvio. (2005). *Europa*. Heidelberg; Ubstadt-Weiher; Basel: Verlag regionalrultur. 432 p. (In Germ.).
- Possevino, A. (1983). *Historical works about Russia of the XVI century*. “Moskovia”, “Livonia”, etc. Moscow: MSU Publishing House. 272 p. (In Russ.).
- Russia in the first half of the XVI century: a view from Europe*. (1997). Moscow: Russian World. 408 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Adelung, F. (1846). *Kritisch-literärische Ueberisch der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind, I—II*. Saint Petersburg, Leipzig. (In Germ.).
- Alpatov, M. A. (1973). *Russian historical Thought and Western Europe of the XII—XVII centuries, I*. Moscow: Nauka. 480 p. (In Russ.).
- Cherkasov, D. N. (2015). Gilbert de Lannois and his “Voyages et ambassadors”. *Studia Historica Europae Orientalis. Studies in the history of Eastern Europe*, 8: 195—241. (In Russ.).
- Chernikova, T. V. (2019). *Russia and Europe. The beginning of the dialogue*. Moscow: Academic project; Culture. 438 p. ISBN: 978-5-902767-93-0. (In Russ.).
- Chernikova, T. V. (2019). *Russia and Europe. “The Age of Innovations”*. Moscow: Academic project; Culture. 665 p. ISBN: 978-5-902767-94-7. (In Russ.).
- Dvornichenko, A. Yu. (2017). *Mirrors and chimeras. On the origin of the Old Russian state*. Saint Petersburg: Eurasia; Moscow: Klio Publishing House. 559 p. ISBN 978-5-91852-095-6. (In Russ.).
- Dvornichenko, A. Yu., Kudryavtseva, R.-E. A. (2019). The phenomenon of the Grand Duchy of Lithuania in the scientific discourse of the turn of the Millennium. *Bylye Gody*, 53 (3): 935—955. DOI: 10.13187/bg. 2019.3.935. (In Russ.).
- Dvornichenko, A. Yu., Kudryavtseva, R.-E. A. (2020). The first Russian Lituanists: the case of N. M. Karamzin. *Bylye Gody*, 57 (3): 930—943. DOI: 10.13187/bg. 2020.3.930. (In Russ.).
- Dernovich, O. I. (2018). “Constructing “another Rus”: images of “Rus” in the historiography of the Grand Duchy of Lithuania of the XVI—XVII centuries. In: *Russia and Belarus: history and culture in the past and present*, 4. Smolensk: Publishing House of Smolensk State University. 74—90. (In Russ.).
- Klyuchevsky, V. O. (1959). *Essays, VII*. Moscow: Sotsekgiz. Research, reviews, speeches. 486 p. (In Russ.).
- Klyuchevsky, V. O. (1991). *Tales of foreigners about the Moscow state*. Moscow: Prometheus. 334 p. (In Russ.).
- Klyuchevsky, V. O. (2019). *Tales of foreigners about the Moscow state; Life of the Russian people*. Moscow: Russkaya panorama. 304 p. ISBN: 978-5-93165-443-0. (In Russ.).
- Kudryavtsev, O. F. (1997). A life for the Tsar: the Russian perception of the Europeans in the first half of the XVI century. In: *Russia in the first half of the XVI century: a view from Europe*. Moscow: Russian World. 6—34. ISBN 5-85810-030-9. (In Russ.).
- Limonov, Yu. A. (1978). *Cultural relations of Russia with European countries in the XV—XVII centuries*. Leningrad: Nauka. 271 p. (In Russ.).
- Martynyuk, A. V. (2015). Sigismund Herberstein: Belorussky itinerariy. In: *Historical and psychological-pedagogical sciences: a collection of scientific articles*, 15 (1). Minsk: Republican Institute of Higher Education. 132—139. (In Russ.).

- Martynyuk, A. V. (2019). *Before Herberstein: Austria and Eastern Europe in the system of personal relations and cultural contacts (XIII — the beginning of the XVI century)*. Moscow: Quadriga. 576 p. ISBN 978-5-91791-323-0. (In Russ.).
- Meiners, C. (1798). *Vergleichung des ältern und neuen Russlandes, in Rücksicht auf die natürlichen Beschaffenheiten der Einwohner ihrer Cultur, Sitten; Lebensart und Gebräuche so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber, I—II*. Leipzig: Fleischer. (In Germ.).
- Mylnikov, A. S. (2000). *The picture of the Slavic world: a view from Eastern Europe: Ethnogenetic legends, guesses, protohypotheses of the XVI — early XVIII century*. Saint-Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 320 p. (In Russ.).
- Seredonin, S. M. (1891). *The work of Gils Fletcher as a historical source*. Saint-Petersburg: Skorokhodov's Printing House. 399 p. (In Russ.).
- Shmurlo, E. F. (1937). Rome and Moscow. The beginning of relations between the Moscow State and the Papal See. 1462—1528. In: *Notes of the Russian Historical Society in Prague*, 3. Prague Czech Republic; Narva. 91—136. (In Russ.).
- Shpak, G. V. (2020). Notes of English travelers about Russia of the XVI—XVII century in the context of British travelography. *Dialog with time*, 70: 235—250. (In Russ.).
- Solovev, S. M. (1998). Geographical News about Ancient Russia. In: *Essays, 18 (XXI) Additional information. Works of different years*. Moscow: Mysl. 402—473. (In Russ.).
- Zamyslovsky, E. E. (1884). *Herberstein and his historical and geographical news about Russia*. St. Petersburg: Printing house of the Panteleev.